

Наш добрый друг

КИНО

Фильм «День последний, день первый». Дядя Георгий — С. Закариадзе.

ТБИЛИСИ. Раннее летнее утро. Привычно, не спеша снаряжается в свой последний рабочий день старый почтальон дядя Георгий. Сладко спит его будущая «замена» — юная Ламара. Безмятежность, спокойствие... И вдруг все приходит в движение: мелькают широкие улицы и небольшие дворики с путаницей лестниц, гремят цехи завода, благоговейная тишина мастерской художника сменяется суетою городского транспорта, ритм и пестрота бегущего дня врываются на экран.

Двое — высокий сутулый старик и тоненькая девушка с почтальонской сумкой на плече — проходят через бесчисленные этажи, поднимаются по лестницам, скрываются в сумраке подъездов, выходят на светлые площадки. За каждой дверью своя жизнь, свои судьбы. Как непохожи они одна на другую!

В этом фильме много контрастов и сопоставлений. Улыбки и слезы, радость любви и горечь измены, стремительное развитие действия и вдруг остановка, пауза — молчаливая сцена встречи двух любящих... Сам экран то как бы сужается до стремительной, летящей вниз спирали лестничного пролета, то расширяется в просторную, полную воздуха и света, широкую панораму нового, социалистического города.

И все это освещено единой жизнеутверждающей, светлой мыслью: он хорош, сегодняшний день нашей жизни, он богат и разнообразен. Всмотритесь, поймите, полюбите его, полюбите еще сильнее!

СЭТАЖА НА ЭТАЖ шагают два почтальона. Вокруг — маленькие и большие события, неожиданности, происшествия. А главное — люди. Никогда, кажется, не встречалось юной Ламаре (артистка Б. Миллианавили) так много радостных, печальных, суровых, счастливых лиц. Нет, не лиц. Людей, судеб, биографий. Обычные адресаты, ничего не значащие имена и фамилии встают перед ней как составные частицы нашей большой, сложной и прекрасной жизни.

Образ дяди Георгия — лучший, наиболее удавшийся в фильме «День последний, день первый» (студия «Грузияфильм», сценаристы С. Долидзе, Е. Агранович, режиссер С. Долидзе). Свободно и обаятельно актерское мастерство С. Закариадзе, правдивые краски, которыми он рисует внешний облик своего героя, раскрывает его добрую, беспокойную душу. И в умной, иногда хитрой смешинке глазах, и в то ласковой, то жесткой складке губ сквозит неистребимая энергия, интерес к жизни, молодой задор. Дядя Георгий — мудрец и человек-колюб. Внимание и доверие к человеку, поиск в нем лучшего — это движет им, этой «профессии», а не только разносить письма обучает он Ламару.

Содружество дяди Георгия и Ламары вовсе не идиллично. Приходит минута, когда горечь разрыва с любимым, а может быть, и малодушие берут верх в Ламаре. На одном из этажей замирают шаги почтальонов — девушка в светлом платье с размаху швыряет кипу газетных листов в пролет лестницы. Они кружатся, опадая,

и многэтажная глубина затягивает их. А Ламара уже бежит. Вот светлое пятно ее платья мелькает где-то внизу. Вот лицо ее косо перечеркнуто распахнувшейся дверью. Она бежит прочь — от старика, от этой сумки, от этой профессии.

Здесь нет громкого спора двух точек зрения. Он уже прозвучал, этот спор, раньше, в столкновении Ламары с мешанской, потребительской моралью мамы ее любимого. Режиссер счастливо предпочел словесной полемике наглядную выразительность умело использованных эмоциональных и зрительных сопоставлений: бегущей легкой фигуры девушки на залитых солнцем, перепоясанных яркими тенями улицах города и неподвижности горького оцепенения старика в полутьме громадного дома. Молчание и пустота лестниц, по которым они ходили вдвоем и разносили людям радостные вести, молчание и само одиночество старого Георгия на этих лестницах звучат осуждающе. На одно мгновение тревожной драматической нотой врывается в общий светло-праздничный тон фильма этот эпизод, но он очень нужен, так как доносит до зрителя ощущение того, что самое большое событие этого дня — решающая ломка характера — совершилось совсем нелегко.

Ламара возвращается. Она мечется в подъездах и проходных дворах, ищет старика и вдруг снизу видит его. Одинокая и очень маленькая фигура на высоко вознесенных в небо лестницах тяжело и упорно поднимается со своей ношей к людям. Через мгновение девушка буквально взлетает следом за стариком, и кажется, что ступени звенят под ее ногами. И зритель поверил: Ламара не могла уйти совсем, ведь дядя Георгий и люди, через которых он провел ее в этот день, уже «записали» в ее душе необходимые чувства долга, ответственности, уважения к любому труду. Любая работа прекрасна, любой труд велик и благороден, если только он приносит пользу людям, если он совершается во имя счастья человека, во имя торжества жизни. Это ведущая мысль фильма. Она не может не вызвать уважения и одобрения.

НО НЕРАВНОЗНАЧНЫ звенья в цепи событий хлопотливого дня, показанного на экране. Есть среди них принципиальные, главные, есть и проходные, служебные. Некоторые из эпизодов затянуты, слащавы, даже банальны (это относится в особенности к первой половине фильма). Есть истинные режиссерские и

операторские удачи, как, например, краткий и в то же время сатирически точный эпизодик с двумя стилигами в телефонной будке, или самые последние, согретые мягкой улыбкой, прощальные кадры фильма. Тем более невыгодное впечатление производит первый большой и по замыслу «проблемный» эпизод: драма в семье молодого инженера Левана Размадзе. Это, по существу, вставная повелла со своей предысторией и развязкой, с серьезным моральным заданием. Но ни само построение ее с частыми перебивками планов прошлого и настоящего, со сменяющимися друг друга ведущими эпизод голосами — то с экрана, то за экраном, ни выигрышные внешние данные актеров (О. Коберидзе и Д. Жоржолани) не спасают положения. Новелла остается как бы вне фильма, повествовательной, натянуто-сентиментальной. Психологические подробности, тщательность изложения и внешняя достоверность истории, происшедшей с Леваном, убеждают менее, чем почти невероятный эпизод с вором в квартире директора завода. В исправление подозрительного небритого парня, застигнутого с ножом в руке, верится все же больше, чем в раскаяние мелодраматического красивого Левана. Весь эпизод с вором настолько пронизан действительной верой в лучшего человека, что ему прощаешь надуванность и вместе с тем традиционность.

Жаль также, что эпизоды-новеллы, составляющие драматургическую ткань картины, оказались синты белыми нитками. Вообще драматургия фильма — его самая слабая сторона.

ДЕНЬ ПОДХОДИТ К КОНЦУ. Теплый вечер опускается на город. И мы просто ощущаем самый воздух этого большого закавказского города, где старое и молодое так своеобразно переплелось: здесь и древние крутые улицы Тбилиси, живописность деревянных балконов и двориков, здесь и светлые громады новых зданий, трудовой гул современного дня. Великолепна работа оператора Л. Паташвили.

И вот уже спит город, его улицы, дома, даже тени в переулках. Лишь одинокая фигура дяди Георгия движется в глубине экрана. Старый почтальон возвращается домой. Он доволен — его последний рабочий день, как и вся жизнь, прожит не даром.

Так кончается фильм об одном дне жизни большого советского города, о его людях, фильм о нашем добром друге — почтальоне.

Н. БАШИНДЖАГЯН.

Соборская сумка? 11 авг. 1960.